

Тридцать лет спустя. Виталий Николаевич Семин seminvitaly.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://seminvitaly.ru/> приятного чтения!

Тридцать лет спустя. Виталий Николаевич Семин

Памяти Юрия Ефанова

В тридцать седьмом взяли отца и мать. Вызвали в НКВД. «Что думаешь делать? В детский дом пойдешь?» Отказался. На квартире его уплотнили. Вселили большую семью, самого отправили на кухню. Было ему тогда четырнадцать лет. Перебывался тем, что пытался чинить примуса. Опять вызвали в НКВД. «Или езжай к родственникам, или – детдом». Пришлось списаться с тетками из Орла, поехал к ним. Тетки, сельские учительницы, работавшие в деревенской школе, отрезанная ветвь, встретили его со страхом, при первой возможности отделались от него – отправили в десятилетку ближайшего райгородка. Голодал страшно. Хронически. Тетки почти ничего не присылали. Когда увидел объявление, что в городке открываются двухмесячные курсы учителей начальных классов, на которые принимаются лица с семилетним образованием, и что на этих курсах стипендия – сто двадцать рублей, трехразовое питание и общежитие, побежал к начальнику курсов. Тот сказал: «Какой из тебя учитель, самому шестнадцать лет». Но упрямился. В этом маленьком городке все знали друг о друге, знали и его теток, знали и его самого. Через два с половиной месяца поехал на хутор за двадцать пять километров от железной дороги. Глухомань, леса, деревянная двухкомплектная школа, в которой он и заведующий, и единственный учитель. Заниматься надо сразу с двумя классами. Утром с первым-третьим, днем – со вторым-четвертым. Летом остался в хуторе – постепенно стал забывать и свою жизнь, и самого себя. В сорок первом выпустил четвертый класс, распустил ребят на каникулы. В июне – война, в сентябре призван и направлен в артиллерию: грамотен – как-никак учитель. В военкомате, где отбирали грамотных, первое военное впечатление – как еще малограмотна Россия! В октябре под Можайском первый бой. Там был небольшой наш успех, немцев немного потеснили и сразу же туда бросили полк «сорокапятков» и семидесятишестимиллиметровых орудий, в котором почти все были такие же новобранцы, как он. Там же первая рукопашная. Пехота ушла, батарея осталась без прикрытия, немцы, появившиеся перед пушками, были совсем неожиданными. Батарея вела огонь, карабины солдат лежали на зарядных ящиках. Если бы не лес, немцы перебили бы всех. Но деревья мешали автоматчикам. Отбивались банниками, лопатами. И второе сильнейшее военное впечатление – первый немец, убитый собственной рукой. Какое чувство он испытал? Облегчения, огромного облегчения. Вот-вот он должен был умереть, точно должен был умереть – что можно сделать лопатой против автомата! Но как-то исхитрился, ударил первым, и теперь – мертвый он. Потом окружение. От полка осталось не более ста человек. Пушки везли на себе – лошадей съели по дороге. Жевали ремни, голенища, кору. Погода – утром и днем дождь, к вечеру гололедица и мокрый снег. Огня не разводили, спать ложились прямо на земле. За ночь мокрая шинель становилась коробом, примерзала к земле. Утром отрывались от земли, оставляли куски шинели. Фронт переходили под Тулой. Били по ним и немцы, и наши. Пришло сорок четыре человека. Особисты их тут же разоружили, посадили под охрану. Спасло то, что вынесли с собой знамя. Часть сохранили. Две недели на переформировку – и наступление. В первый же день – контузия. На бруствере окопчика разорвалась крупная мина. Осколки прошли верхом, ударило взрывной волной. И тут же ушел надолго. Очнулся через два месяца па Урале в госпитале. Парализованы правая рука и нога. Через месяц все-таки встал, нога кое-как отошла. Белобилетник, освобожден навсегда. Выписали из госпиталя инвалидом второй группы. Пошел в военкомат проситься в армию. Городок маленький, медицинская комиссия – те же госпитальные врачи. Долго их уговаривать не пришлось – время не то. «Мы вас предупредили. Мы за вас не отвечаем». Запасной полк – и под Ржев. Две недели на фронте. Что было под Ржевом, все знают. На пятнадцатый день ему осколком снаряда перебило голень. Шел восстанавливать телефонную связь, перебежал под огнем особо опасный участок, а потом его ударило. Нога в валенке подвернулась, он вскочил – и стал на культю. Упал на снег. Мороз – градусов тридцать, лежал несколько часов, стараясь не заснуть. А потом заснул. Очнулся в сарайчике. Человек двадцать раненых на полу, керосиновая лампа, рядом с железной печкой подобие хирургического стола. Положили на стол. Валенки полны замерзшей крови. Разрезали валенок, оттаяли кровь, вытащили осколок снаряда и осколки кости, перебинтовали. На следующий день плохо, потом еще хуже. Сменили повязку. Нога под повязкой почернела и раздулась. Надо ампутировать – гангрена. Ампутировать не дал. Отрезали бы, не спрашивая разрешения, но у него был пистолет, от боли он спать не мог – на снегу отоспался, – и, когда к нему подходили, грозил пистолетом. Еще день продержали в

Тридцать лет спустя. Виталий Николаевич Семин seminvitaly.ru сарайчике, потом упаковали в специальную корзину, подвесили под крыло «ПО-2» (так тогда перевозили раненых) и опять на Урал, в тыловой госпиталь. Десять дней прошло с тех пор, как нога у него почернела, а он все жив. В госпиталях он на многое насмотрелся. Говорит врачам: «За десять дней не загнулся, значит, не гангрена». И правда – просто сильное обморожение. Два месяца в госпитале на Урале. Стал ходить на костылях – перебитая правая нога на тринадцать сантиметров короче левой, кость срослась неправильно. Однажды раненым показывали кино, военный фильм «Ястреб», после сеанса спускался по мраморной госпитальной лестнице со второго этажа – госпиталь располагался в здании бывшего горисполкома, – на скользких ступеньках костыли разошлись, он покатился по лестнице вниз и сломал больную ногу. Удачно сломал. Когда кость на растяжках выправили, нога удлинилась. Теперь она была только на три сантиметра короче здоровой. На этот раз он уже не просил врачей отправить его на фронт – инвалид!

Когда выписывали, спросили, куда он собирается ехать. Сказал – в Ташкент. Ташкент назвал потому, что намерзся, наголодался, хотел на юг. А куда – все равно. Поехал в Ташкент. Вылез на вокзале – идти некуда, жить негде. Денег нет. Ночевал на вокзале в комнате для раненых. Потом сел на поезд, поехал в Самарканд. Оттуда – в Красноводск. В Красноводске на вокзале свалился с первым приступом после контузии. Опять отнялись рука и нога, не мог двигаться. Отлежался в госпитале. Из Красноводска поехал в Баку. В Баку на вокзале познакомился с парнем, тоже инвалидом с перебитой ногой. Тот предложил: под Баку есть соляные озера, надо набрать соли и поехать в Батуми и Сухуми, где соли нет. Так и сделали. В два мешочка набрали соли, сколько могли поднять, сели в поезд – в каждом поезде обычно было два вагона для раненых, чаще всего третий и четвертый, – приехали в Батуми. За полдня распродали соль, купили мандаринов и вечером – в Сухуми. Там продали мандарины, купили орехов... Так и ездили. Ночевали на вокзалах или в поезде в вагоне для раненых, днем торговали. Но спекуляция не шла. Не умели, что ли. Голодали по-прежнему. Даже еще хуже. Каждая посадка в поезд – с бою. Патрули снимают с поезда. Правда, если успеешь забраться в вагон к раненым – едешь спокойно. К раненым никакие контролеры не входили, а если какой-нибудь особо ретивый все-таки заходил, его тут же вышвыривали. И хорошо, если только за дверь. Все-таки однажды их разлучили. Они взобрались на буфера между вагонами, их стали стаскивать. Они – одноногие – отбивались изо всех сил. Он отбивался яростнее и отбил, а напарника все-таки стащили.

Приехал в Тбилиси. Опасаясь патрулей, он обычно вставал на пригородной станции, оттуда ехал в город трамваем. Но на этот раз он так ослабел, что не стал вылезать на пригородном. На главном вокзале его взял патруль. Привели в комендатуру: «Что в мешке?» – «Мандарины». Мандарины высыпали, обыскали и отобрали деньги. «Иди!» – «А деньги?» – «Иди!» Ушел. Шел по улице и ненавидел. Ненавидел здоровых, красивых мужчин, торговавших газированной водой, шедших ему навстречу по улице. Он умирал. От голода, от раны, от предчувствия, что вот-вот повторится приступ и он упадет посреди улицы и не сможет даже отползти к тротуару. И мысли к нему шли такие: а что, если выйти ночью с ножом на улицу и остановить какого-нибудь торговца газированной водой? На вокзале он лег на лавку и вдруг увидел своего напарника. У того был хлеб. Это был единственный человек, который был ему рад. Напарник выслушал все, что с ним произошло. «Ладно, – сказал напарник, – поедем со мной. У меня есть немного денег, опять развернемся, может, и повезет». Он подумал, подумал – и отказался. Не получается, да и не по нему. Утром пошел в военкомат, но в армию его не взяли. «Куда ты, кацо! На твоём месте многие были бы счастливы». Когда уходил, к нему подошел какой-то тип, предлагал деньги за инвалидную справку. Много предлагал.

Вечером он уехал на Минводы. Там явился в комендатуру и сказал, что отстал от воинского эшелона. «Какой эшелон?» Он назвал номер, назвал селение, в котором, как он знал, стоял запасной полк. Его потащили кособисту, потом на губу. На гауптвахте он отсидел десять суток, а затем его отправили в запасной полк. Там его приняли, и два месяца он гонял строевую, изучал миномет, участвовал в тренировочных стрельбах. И опять на фронт. Посадили их на десантную баржу и ночью отбуксировали к Новороссийску на Малую землю. Высадились сравнительно благополучно. Вытащили минометы, стали зарываться в землю. Но земля эта – не земля, а мергель, слоеный камень, щебень, идущий в цемент. Зарываться в такую землю – ночи не хватит. Утром их накрыли огнем в их неглубоких окопчиках немцы со своих прекрасных позиций на Колдун-горе. С анапского аэродрома шли «Мессершмитты-110». Мергель при взрывах снарядов и авиабомб давал мелкие осколки, осколки били руки и лицо. Кожа на лице стала вся в крапинках, как у шахтеров. В первый же день половины прибывших ночью не стало. Ночью опять пришли

Тридцать лет спустя. Виталий Николаевич Семин seminvitaly.ru баржи с пополнением и водой, а днем опять почти половина прибывших погибла. Бывали дни, когда пополнение вообще не приходило – немцы топили баржи еще на подходе. И тогда сутки жили без воды, без еды, сутки в постоянной белой цементной пыли, которая висела над Малой землей. Убитых хоронить было невозможно. Вначале пытались, но каменистая земля не поддавалась киркам и лопатам. Тогда убитых стали сбрасывать в море. Трупы прибывало к берегу. У пляжей Малой земли был венок из плавающих трупов метров на пятьдесят.

Несколько раз ходили в атаку па Новороссийск, но немцы атаки отбивали.

Два с половиной месяца – с июля по сентябрь – он провел на Малой земле и не был даже ранен. Только царапина на тыльной части кисти. Как он научился воевать, как научился влезать в землю, распластываться на ней, как он ненавидел немцев и как умело убивал их!

К голоду он только никак не мог привыкнуть, хотя и голодал он как-никак с четырнадцати лет. И еще мучила его на Малой земле жажда, доходило до того, что он не выдерживал пытки и набрасывался на морскую воду. В первый раз выпил с полстакана и потом целый день его жестоко жгло и мутило. Он закаялся, но через неделю опять не выдержал и снова хватал растрескавшимися губами горько-соленый раствор.

Немцев выбили из Новороссийска в сентябре. Наступавшие с Малой земли соединились в городе с теми, кто шел с юга. Немцев – наконец-то добрались до них! – гнали так, что не всем этих немцев хватало. Они как-то сразу рассеялись. Испарились. Удар, в котором должно было быть и искупление, и освобождение от ярости, голода, злости, частично пришелся по своим. Сошлись и не сразу узнали друг друга.

Потом их вывели на переформирование, дали отдохнуть и повезли в горы, в Чечню. Расположились лагерем около большого аула. Днем занятия, учебные стрельбы. И вдруг ночью тревога – в ружье! Приказ – оцепить аул, обезоружить мужчин, отделить их от женщин, каждому мужчине взять белье, теплую одежду, продукты на два дня и отправить всех мужчин в Грозный. Так и сделали. Что тут было! Крики, слезы, проклятья. Ничего нельзя понять. Но приказ есть приказ. Начальству видней. К тому же мужчины, которые сейчас не на фронте, вызывали у него ненависть. И он гнал их, замахивался прикладом, вталкивал в грузовики, которые подошли к аулу. А через два дня из того же аула вывозили женщин и детей. Несколько дней аул стоял опустошенный, неприсмотренный, с распахнутыми дверями, выбитыми окнами. По улицам ходила недоенная и некормленная, мгновенно одичавшая скотина.

Молодые чеченцы сумели группами уйти в горы. У них было оружие, горы они знали прекрасно, ходили по ним, как у себя дома. Месяца полтора часть, в которой он служил, выбивала чеченцев из их укрытий.

В горах он слегка отошел. Землистый цвет кожи постепенно сменился загаром. Правда, землистый, неживой цвет рано умершей кожи проступал и под загаром, но в глазах появился блеск, и курил он уже не так жадно, не по-стариковски, и не просыпался ночью по три раза, чтобы выкурить папиросу. И предчувствия близкого приступа после контузии, которые не оставляли его с тех пор, как он свалился в Красноводске, уже не мучили его так сильно. На Малой земле, под обстрелом и бомбежкой, бог миловал – не было ни одного. А тут, в горах, и вообще стал об этом забывать. Худ он был по-прежнему страшно и гнулся в груди. Спина у него еще была ровная, а грудь вгибалась. Но худоба помогала ему вытягивать солдатскую службу. Носил он свое тело легко, а если бывал сыт, то и стремительно, не «гремел костями», как доходяга. И к тому, что правая нога у него на три сантиметра короче левой, он привык и сам перестал замечать свою хромоту. На Малой земле он уже был сержантом, и подчиненные побаивались его потому, что в смелости его была не то чтобы иступленность, а какая-то мертвенная отрешенность. Он все понимал, он был как все – курил и пил, если удавалось достать курево и выпивку, наедался до икоты, если удавалось наестся. Но не устраивал себе праздника из еды и выпивки, как это делали другие. Потому что праздник – это ведь и воспоминание о том, какие раньше были праздники. А он просто жадно ел, потому что давно привык относиться к еде слишком серьезно, привык к тому, что плохая, тощая еда унижает, привык к этому постоянному унижению, привык заглушать голодную тоску и приниженность папиросами, сушившими грудь, привык чувствовать на своем лице выражение, которое вначале было смущением и постоянным ожиданием чего-то или кого-то, кто накормит или вообще

Тридцать лет спустя. Виталий Николаевич Семин seminvitaly.ru освободит, а потом стало приниженностью. Он привык его чувствовать потому, что всегда старался снять его, боролся с ним. Это было выражение «шестерки», доходяги. И смелость его была в какой-то степени смелостью доходяги. Он не заигрывал отчаянно со смертью, как это делает иногда молодой и жизнерадостный, полный сил мальчишка, не испытывал восторженного ужаса, спасшись от гибели. То есть все это он, конечно, испытывал, но нервы под его рано умершей кожей как будто погасли. И ненависть во впалой груди горела ровно. Он был прекрасным солдатом. Он никогда не отступал, если ему этого не приказывали. Не ставил смерти условия: «Вот если на этот раз выживу, то...» Он, конечно, не хотел умирать, но боялся смерти меньше многих своих товарищей. Настолько меньше, что это, казалось, было за пределами самой низкой нормы, встречающейся в живом организме. И подчиненные чувствовали это. Не сразу, конечно. Вначале, жадно вглядываясь в новое свое начальство, новички вздыхали с облегчением: унылое лицо доходяги, землистая кожа нездорового человека, голос тонковатый, интонации не то чтобы интеллигентные, но вполне мирные, возраст неопределенный. Эта неопределенность успокаивала больше всего. И только потом, когда они понимали, что этого человека не пугает все то, что пугает их, новички настораживались. А еще позже – начинали бояться. Хотя вообще-то он не был злым, и не было в нем ничего такого, что так противно в дураке-строевике, в тех маленьких командирах, которые замучивают солдат бессмысленной муштрой. Но его отношение к смерти, к смертельной опасности было не таким, как у всех, и их молодые, здоровые организмы не прощали ему этого. И храбрость его не восхищала, а наоборот – отталкивала. О нем говорили так: «Ну, этому ничего не сделается. Привык». Как о юридивом.

Новый припадок скрутил его уже в Польше. Он отлежался в медсанбате. Потом дрался под Секешфехерваром, закончил войну в Словакии. Ему повредило и вторую ногу, и в сорок пятом году он демобилизовался и уехал на станцию Ливны, а потом в свой хутор, в свою начальную школу. Наград у него было немного, где-то проваливались – в каком-то штабе или особом отделе – наградные листы на него.

В сорок седьмом году его два раза подряд скручивали припадки. В первый раз он двое суток пролежал у себя в комнате на полу в двух шагах от кровати – не мог добраться до нее. Об этом узнали в районном военкомате. Райвоенком заехал к нему: «Что с тобой?» – «Контузия». У него сохранилась еще та самая справка, которую в сорок втором году у него торговали в Тбилиси. Через два года после войны он стал на учет как инвалид Великой Отечественной войны.

В конце сорок седьмого освободилась из заключения его мать. Срок свой она отсидела полностью – десять лет. У нее было ограничение в правах, ограничение в прописке, но все же они не стали жить на хуторе, а поехали туда, где они жили раньше, в Ростов, и с большим трудом устроились в городе. Он работал и учился, а мать болела. Несколько лет она болела на ногах, ходила на базар, убирала в комнате, которую они снимали в старом доме, а потом слегла совсем. Он закончил университет и остался в нем работать. В пятьдесят седьмом году, через десять лет после того, как она освободилась, на мать пришла реабилитация. В пятьдесят восьмом он женился на своей студентке. Между мужем и женой всегда можно отыскать какое-то сходство. Эти удивляли полной непохожестью. Когда она шла рядом с ним, было особенно заметно, какая это молодая, сильная, любящая всякие радости женщина. Года два они жили втроем в той же маленькой каморке, а потом им дали новую квартиру. В шестидесятом из этой квартиры ушла жена. Еще через полгода умерла мать.

После смерти матери с ним случился самый страшный припадок. Больше трех суток пролежал он на полу у себя в запертой квартире. Мне он сказал:

– Ты вот спрашиваешь, снится ли мне война. Когда валялся на полу, вспоминал Малую землю. Во рту все потрескалось – пить хотелось.

И я представил себе этот ужас. Рядом кухня, ванная комната, и где-то, может быть, даже плохо прикручен кран.

Я сказал:

– Надо, чтобы тебе поставили телефон.

– Это бесполезно, – сказал он. – Я все равно не смогу добраться.

Тридцать лет спустя. Виталий Николаевич Семин seminvitaly.ru
У него худое, длинное тело. Землистая кожа. Курит он сигарету за сигаретой.
Говорит: «Когда у меня была семья...» Пьет. Когда смеется, открывает полный рот
вставных зубов. Морщины на лбу вырублены топором. Двигается он легко и даже
стремительно, рука крепкая, но почему-то, когда я смотрю на него, мне все время
страшно: вот-вот это настигнет его, и он упадет. Он говорит:

– У меня предчувствие, что скоро меня опять скрутит.

– У тебя это бывает циклами?

– Нет. Просто чувствую. Хорошо, если свалит на работе или на улице. Тогда – в
больницу. А если дома – тогда конец...

Публикация В. Кононыхиной.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://seminvitaly.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!